

Г. Любарский

Россия и Европа: зазеркальная граница

Сказки общественного подсознания

В 2001 году Фонд “Общественное мнение” провел опрос на тему антиглобализма. Респондентам было предложено в свободной форме ответить на ряд вопросов на эту тему, в частности, о возможности распространения антиглобалистского движения в России. Они пытались объяснить, откуда берется антиглобализм, докопаться до его социальных корней.

Описать ход их мыслей можно следующим образом. На Западе, в Европе народ живет хорошо. Эта хорошая жизнь наскучивает людям, вызывает у них желание развлечься. Иногда в качестве развлечения европейцы присоединяются к экстремистским группам и течениям. Некий респондент назвал этот процесс “добровольной маргинализацией”. И одной из форм этого экстремизма-от-скуки является антиглобалистское движение – все эти пикеты с плакатами, демонстрации с брендами, акции протеста с лозунгами...

Такова “социальная ниша” антиглобализма в Европе. А что в России? Может ли быть так, что у нас появится и распространится антиглобалистское движение, что оно станет серьезной социальной силой? В ответ респонденты излагают Примеча-

тельную теорию. У нас, как и в Европе, живет народ, но его жизнь характеризуется как “плохая”. Эта плохая жизнь порождает вовсе не интерес к развлечениям, а озлобление людей. Из этого озлобления рождается... коммунизм.

Итак, окончательная формула такова: в России место *антиглобализма* в социальном пространстве занято *коммунизмом*, ниша заполнена, и потому распространения антиглобалистского движения ожидать не приходится. Социальные движения конкурируют за общий ресурс – веру, преданность людей некоей идее, – и укоренившийся коммунизм не отдаст поле сопернику.

Результат в высшей степени занимательный. На каждом этапе рассуждений подчеркивается симметрия:

Их народ	Наш народ
живет хорошо	живет плохо
скучает	озлобляется
добровольная маргинализация	принудительная маргинализация
антиглобализм	коммунизм

Можно, конечно, озаботиться вопросами: что будет, если наш народ начнет жить хорошо – потянет ли его на игры в экстремизм и заменится ли у нас коммунистическое движение антиглобализмом? Вопросы эти сугубо теоретические, так что и обсуждать их неинтересно. А если европейский народ будет жить плохо, то озлобится? Потянет ли

Коммунистическое прошлое еще одной складкой легло между Россией и Европой, усиливая накапливающиеся различия

его – сейчас! – на коммунизм? Бросит ли тогда он свои антиглобалистские забавы? Впрочем, это их жизнь. Речь о нас.

Содержание этой симметричной схемы легко подвергнуть критике. В самом деле, люди живут плохо в самых разных странах, и во многих из них коммунизма и следа нет, а развит, напротив того, антиглобализм. Можно даже (шепотом) высказать мнение, что не везде люди от плохой жизни озлобляются... И оценка – жизнь “плохая” или “хорошая” – штука сравнительная, сама по себе жизнь такого маркера не несет, это надо на соседей поглядеть, на определенных соседей и с определенной точки зрения, чтобы к такому выводу прийти. Так что о частных содержательных моментах этой схемы можно поспорить, но самое интересное в ней, как представляется, не содержание, а именно обнаруженная симметрия. Что же это за тип *симметрии*, которым мы “соединены” с Западом?

Люди не просто считают, что граница Восток–Запад есть, они тут же указывают на удивительное ее свойство: это не просто граница, а ось симметрии

Представим себе, что мы поднесли к зеркалу половину шахматной доски. Там отразится половина доски, и напротив черной клетки будет отражение черной, а напротив белой – белой. Половина доски и ее отражение в зеркале образуют целую

шахматную доску, но “неправильную”. А теперь представим, что наше зеркало отражает все наоборот: отражение черной клетки – белая, а белой – как черная. Тогда перед нами – “правильная” доска, только половина у нее была бы реальной, а половина – иллюзорной, зазеркальной.

Этот тип симметрии можно назвать “*зеркальной симметрией со сдвигом*”. Структура ответов на вопрос о судьбах антиглобализма (или, если кому-то хочется, можно читать с “нашего” конца, и тогда это вопрос о судьбах коммунизма) обладает свойствами такой симметрии, причем зеркалом – осью симметрии – служит граница между Россией и Европой (Западом).

Разумеется, это не политическая граница, а граница культурная, семантическая, знаковая. Респонденты описывают великую границу Запад – Восток (Хантингтон гордится, что он ее впервые провел и обосновал), причем не задумываясь о каких-то там геополитических тонкостях, а отвечая на вполне конкретный вопрос. Люди не просто своими высказываниями подтверждают, что граница есть, они тут же указывают на удивительное ее свойство – это не просто граница, а ось симметрии, причем зеркальная и “со сдвигом”.

Такая сложная симметричная конструкция возникает при описании взаимоотношений России и Запада не впервые. Вот всего один пример: запрет на “каменную Русь” (это подробно изложено в работах Б.А. Успенского). С началом строительства Петербурга, в 1714 году, указом Петра I в России было запрещено строить каменные здания везде, кроме новой столицы (“всякое каменное строение, какого бы имени ни было, под разорением всего имения и ссылкою”). Новая Россия, в лице Петербурга, противопоставляется царем-основателем не просто России наличной, России того времени, но именно образу “деревянной Руси”, специально созданному для наилучшего сопоставления с Петербургом и новой Россией. Работает симметрия Зазеркалья: “каменной” Европе уподобляется новая “каменная” Россия. Каменной России противопоставляется Россия прежняя (на самом деле еще наличная), и эта “прежняя-наличная” Россия должна в рамках симметричного преобразования стать “прошлой-деревянной”. Поскольку реальность отличается от этих симметричных требований, то надо, во-первых, запретить каменное строительство везде, кроме Петербурга, а во-вторых, объявить “прошлую” Россию “деревянной”.

В допетровской Руси каменные здания, конечно, были – однако их предлагается считать несуществовавшими для создания более полной симметрии. Образ каменной “новой России” тем самым оказывается внедряемой в общественное сознание идеей, направляющей историческое движение в сторону сближения с Европой.

Итак, в рамках примера о “каменной России” мы видим границу между Россией и Европой, но граница эта – зеркало “со сдвигом”. Это граница между “современной каменной Европой” и “старой деревянной Русью”, причем в этой “старой деревянной” уже отразился “каменный Петербург” – он пересек зеркальную границу, отвердел и материализовался в нашей реальности – полномочный представитель и заменитель “современной Европы”. Идеологema гласит: Россия догоняет Европу, и разница между ней и Европой – только во времени. Граница между ними означает лишь разные стадии одного процесса. Оттого и “сдвиг”: у них уже хорошо, а мы – вслед за ними, и у нас пока плохо, но будет хорошо; и пошла история черно-белая, полосчатая. Здесь надо напомнить: мы говорим не о реальности, которая много сложнее любых симметричных схем, а об идеях общества, осознанных и подсознательных.

Чему же служит современная симметрия – наследница идей Петра, – противопоставляющая “хорошую жизнь” в Европе и “плохую жизнь” в России, их “поиски развлечений” и наши “результаты озлобления”?

Осознанная идея Петра (куда уж сознательнее – раз отражена в законе!) внедряла в обществе мысль о направлении движения – к Западу. Высказывания наших респондентов – мысли частных людей, и потому относятся к подсознанию общества. Мысли эти – с двойным дном, как и полагается подсознанию. Во внешнем слое прочитывается прежнее “догоняющее” сравнение с Европой. Во внутреннем – ситуация сложнее: Европа более не представляется единой, “каменной”. В ней схватились глобализм и антиглобализм. Если бы мы находились полностью под влиянием петровского западничества, высказывалась бы иная мысль: у них сейчас глобализм, а у нас в Москве тоже глобализм, хотя “провинция” (остальная Россия) пока отстает. Но ведь говорится совсем другое. В Европе наблюдается глобализация и противостоящий ей антиглобализм, и в России имеется антитеза обоим течениям, причем наши реалии вовсе не похожи на европейские. Граница между Россией и Европой приобрела новое качество, еще один “*порядок симметрии*” – тот са-

мый, в котором коммунизм функционально подобен антиглобализму, но им вовсе не является.

В Европе антиглобализм противоположен глобализму; у нас вместо антиглобализма – коммунизм; что же у нас соответствует европейскому глобализму? Назовем это “российскими реформами”. Тогда выявляется двойкий смысл этих “реформ”. Они, во-первых, похожи на современное развитие западного мира, пытаются быть аналогом глобализации, продолжают движение Петра “вслед за Европой”. Но есть и во-вторых: как коммунизм вовсе не является антиглобализмом, а замещает его на российских просторах, так и наши “реформы” в представлении респондентов должны быть не одним из частных случаев глобализации, а функциональным аналогом, чем-то совсем иным, нежели глобализация, даже противоположным, *занимающим место* глобализации, ее нишу – и не пропускающим ее в Россию, подобно тому как коммунизм, будучи функциональным аналогом антиглобализма, не пускает его к нам.

В Европе наблюдаются глобализация и противостоящий ей антиглобализм, и в России имеется антитеза обоим течениям, причем наши реалии вовсе не похожи на европейские

Можно оценивать эту пропорцию, кроющуюся в подсознании общества, по-разному. Радоваться, что “проклятой глобализации” нет хода в Россию. Или огорчаться, что единое и слаженное развитие всего прогрессивного человечества не касается нас. Если же попытаться взглянуть на идею симметрии поверх оценок, возникает ощущение, что со времен Петра все же что-то изменилось. Еще не совсем, еще далеко не полностью, но в выстраиваемой респондентами многосоставной пропорции уже можно обнаружить два слоя. Проговариваемый – завистливое равнение на Запад, прежняя игра в догонялки: там хорошо – здесь плохо, там играют – здесь злобятся. Но вмешивается наша история, наш коммунизм, и пропорция получает второй смысл, наводящий на мысль о пути России, отдельном от западного. Коммунистическое прошлое еще одной складкой легло между Россией и Европой, усиливая накапливающиеся различия.

Это произносится не с легким сердцем, не с восторгом – и все же: если их антиглобализму у нас противостоит, его замещает и ему соответствует коммунизм, то в каком отношении находится политика наших реформ к их глобализму? Надо думать, соответствует, замещает и противостоит.

Как эта ситуация может развиваться дальше? Может произойти снижение порядка симметрии,

Народы и государства представляются еще осмысленными и понятными до Волги, до Урала, а дальше становится все туманней и непонятней – мы встречаемся с едва освоенными нами культурными пространствами Кавказа и Срединной Азии, с просторами Сибири

и тогда мы окажемся в послепетровской ситуации “простого Зазеркалья”: мы снова будем видеть в развитии Запада ориентир для себя, и снова потянутся черно-белые версты дороги реформ (западных) и контрреформ (антизападных). Другой вариант – сохранится наметившийся тренд развития, и порядок симметрии границы между нами будет возрастать. Тогда явления, находящиеся по разные стороны границы, будут все менее подобны, так что их все труднее будет соотносить в рамках симметричных схем. Мир станет разнообразнее, в нем появится еще один не похожий ни на кого субъект, развивающийся по своим законам. Другое дело – хорошо это или плохо. И кому. Может быть, нам это не понравится. Или, напротив, “осуществляются мечты”.

Отдельный от европейского путь развития России – старая идея. История мелет медленно. Россия еще только формируется. Еще не ясно, что принесет она в мир. Пока ее отличия от других цивилизационных регионов заметны, но насколько они значимы – неясно. Что – важно, а что – частность?

Что ж, это лишь один из возможных способов объяснения высказанной идеи о симметрии между антиглобализмом и коммунизмом. Беда только, что возможных объяснений очень много, и обосновать какое-нибудь одно – вот задача. Но не будем сейчас останавливаться на объяснениях – обратим внимание на сам феномен. Культурологи-

ческая граница между Европой и Россией возникла давно – и жива сейчас. Она живет не только в геополитических штудиях *войны цивилизаций или Великого Лимитрофа*, а высказывается со всей непосредственностью в самых обычных рассуждениях. Эта граница – не теоретический конструкт, она существует и действует – по “закону Томаса”: то, что люди полагают реальным, имеет реальные последствия.

Мы можем вкратце вспомнить историю преобразований этой границы. Некогда Европа представляла собой нечто целое, хотя это и не значит, что унифицированное и с четкими границами. В XII веке тяжелый занавес монгольского нашествия скрыл Русь от глаз Европы. Шли века – на востоке от Европы стояла глухая стена мглы, скрывающая страны и народы невиданные и непонятные. Затем стена стала отодвигаться, становиться более прозрачной, пока стараниями Петра в ней не возникло *окно*, и взгляд европейца начал различать в туманной восточной дали некие смутные контуры. Постепенно стена тумана отодвинулась до Волги. До Волги проникает мысленный взгляд европейца, обратившегося на восток.

Почему европейца? А наш взгляд? Наш взгляд видит примерно ту же картину. Народы и государства представляются еще осмысленными и понятными до Волги, до Урала, а дальше становится все страньше, туманней и непонятней – мы встречаемся с чужими, едва освоенными нами культурными пространствами Кавказа и Срединной Азии, с пустыми просторами Сибири. Почему так? Дело в том, что у нас глаза – *европейские*.

А что же отодвигает эту границу на восток, что век за веком увеличивает прозрачную для нас территорию? Это и есть результат работы российской цивилизации. У нас европейские глаза, но сердце – свое, на европейское не похожее. Понятое и ставшее прозрачным пространство медленно расширяется на восток – потому что видят, конечно, глазами, но понимают – сердцем.

На востоке от нас стоит стена мглы, в которой все становится смутным и ничто не отражается. И мы век за веком отодвигаем эту стену, освещая и делая внятными восточные земли. А на западе от нас стоит зеркальная стена, переворачивающая все, что за ней, – подражая фигурам, видимым из-за той стены, мы все делаем наоборот.

Почему же наши европейские глаза видят Европу – наоборот? Может быть, именно потому, что смотрят – не из Европы. ■